

Заметив, что Ло Юйфу медлит, Цзян Цзибай решил заговорить первым:

— Барышня Ло, у вас какое-то дело ко мне?

— Ах... да, — торопливо, как испуганная птичка, закивала гостя. Опустив голову, она нерешительно замялась: — Насчет... того раза... — Ло Юйфу вновь вскинула на него умоляющий, влажный взгляд. — Юйфу была кругом не права. Мне не следовало злиться и выходить из себя. Просто тогда я... так за вас испугалась, что совсем лишилась разума от тревоги. Прощу, братец Цзибай, примите мои искренние извинения и не держите на меня зла.

На самом деле Цзян Цзибай так и не понял, из-за чего она тогда вспылила, да и копаться в чужих обидах ему не хотелось. Он лишь качнул головой и вежливо ответил:

— Ну что вы. Барышня Ло слишком строга к себе.

Девушка облегченно вздохнула и преданно заглянула ему в глаза:

— И еще... я должна попросить прощения за брата. Он всего лишь хотел заступиться за меня, потому и наговорил гадостей молодому господину Вэню. Он поступил низко... До меня дошли слухи, что вы даже подрались. Братец Цзибай, вы ведь не ранены?

— Со мной все в порядке.

«Вообще-то досталось твоему брату, а не мне».

Лицо Ло Юйфу омрачилось печалью:

— Братец Цзибай, умоляю, не таите на него обиду.

— И в мыслях не было, — отозвался молодой человек.

«Да мы уже и так подрались, к чему теперь прошлые обиды ворошить?»

Ло Юйфу нервно теребила край шелкового пояса, тщетно пытаясь скрыть смущение:

— Братец Цзибай, я много думала об этом... Пусть вы с молодым господином Вэнем и близки, но таков уж наш мир. Он может быть рядом сейчас, однако не разделит с вами всю жизнь до самого гроба.

Она выражалась туманно и обвиняками. Цзян Цзибай уловил в ее речах некую странность, но никак не мог понять, что именно его смущает. Впрочем, если отбросить недоумение, в одном

он не мог с ней не согласиться: она ведь чертовски права!

— Да, я понимаю, — кивнул он.

— Вот как мой брат... Отец уже всю ищет ему невесту, и тот не противится. Мужчине ведь суждено создать семью и продолжить род, — набравшись смелости, девушка робко накрыла своими ладонями его запястья. — Братец Цзибай, я не смею просить, чтобы все ваши помыслы принадлежали лишь мне. Я согласна просто всю жизнь делить с вами горести и радости, питая взаимное уважение... Братец Цзибай...

— Барышня Ло, — юноша мягко отступил на шаг назад, высвобождая руки.

Какими бы витиеватыми ни казались ее речи, суть он уловил предельно ясно. Вся эта долгая прелюдия вела лишь к одному — к признанию в чувствах.

— Я глубоко признателен за вашу благосклонность, — вежливо поклонился он. — Однако сейчас мне не до сердечных дел.

Ло Юйфу увяла на глазах, лицо ее исказилось от горькой обиды:

— Мне следовало догадаться... Братец Цзибай слишком честен с собой, чтобы жениться из одного лишь чувства долга перед семьей...

— Спасибо за понимание, — сухо кивнул Цзибай.

— Он... и впрямь так хорош? — тихо спросила она, устремив на него пытливый взор.

— Кто? — не понял юноша.

— Молодой господин Вэнь. Вэнь Бай, — обронила расстроенная барышня, опустив ресницы.

«Он?»

Цзибай совсем растерялся. С чего вдруг разговор зашел о его друге? Неужели Ло Юйфу успела положить глаз на Вэнь Бая?

Поразмыслив секунду, он ответил осторожно:

— Вэнь Бай... Отличный парень, на него всегда можно положиться. И, насколько мне известно, его сердце пока свободно.

Посыл его слов читался однозначно: если он тебе мил — дерзай, я мешать не стану.

Девушка обиженно надула губы и еле слышно пробормотала под нос:

— Да знаю я, что вы без ума друг от друга...

— Что вы сказали? — переспросил Цзибай, не разобрал слов.

— А-Янь! — раздался внезапный оклик.

Собеседники разом обернулись на голос. К ним спешила удельная княжна Юньшань.

— Сестрица Юньшань, — поприветствовала ее Ло Юйфу.

— Сестра, — кивнул Цзибай.

Цзян Юньшань подошла ближе, на ее лице играла мягкая улыбка:

— То-то я думаю, куда ты запропастился. Оказывается, вы приехали вместе.

— Столкнулись у ворот, — Цзибай кивнул в сторону карет.

— Вот как? — Юньшань окинула взглядом экипажи.

Карета резиденции князя Юйсянь стояла впереди, а повозка из усадьбы графа Гуанчэна пристроилась следом. Значит, брат прибыл раньше, а Ло Юйфу нагнала его. Все сошлось: навязчивая барышня просто увязалась за ним.

Юньшань тепло взяла гостью за руку:

— Пару дней назад я заглядывала к тебе, но дома никого не застала. Где же ты пропадала?

Ло Юйфу, не отводя замороженного взгляда от Цзибая, рассеянно пробормотала:

— Ах... Должно быть, уезжала по делам.

Заметив это, Юньшань понимающе улыбнулась и покровительственно увлекла девушку за собой:

— Торжество вот-вот начнется, пойдем скорее, неже нам здесь задерживаться.

Ло Юйфу спохватилась:

— Ох, сестрица Юньшань права. Братец Цзибай, пойдем вместе...

— А-Янь, у тебя шаг широкий, мы с Юйфу за тобой не поспеем, так что не жди нас, — мягко перебила ее Юньшань и заговорщически подмигнула подруге. — К тому же мы столько дней не виделись, нам нужно посекретничать. Ступай вперед.

Цзибай прекрасно понимал подоплеку уловок сестры: она просто пыталась избавить его от назойливого общества Ло Юйфу. Но от этой заботы на душе почему-то скребли кошки.

Вместо благодарности он чувствовал глухое раздражение — словно его против воли дергали за ниточки, будто беззащитную марионетку. Тихо вздохнув, юноша уныло опустил голову и зашагал прочь.

Когда он вошел в пиршественный зал, гости как раз рассаживались по своим местам. Цзибай тут же заметил нечто странное: по левую руку от государя восседала императрица, а по правую — благородная наложница Шу.

Испокон веков во дворце соблюдался строгий порядок. Императрица — мать государства, ее место по праву подле супруга. Обычным же наложницам подобная честь не подобала. Но раз уж принцесса Ци разделила с ней это высокое положение, чувства императора к ней действительно граничили с одержимостью.

«На старости лет царственный дядя вздумал разыграть пред нами Песнь о вечной печали».

Цзибай мысленно усмехнулся, не скрывая легкого презрения, и совершил глубокий поклон:

— Цзибай приветствует Ваше Величество.

— А, Цзибай пришел, — император Хундао ласково взглянул на юношу и добродушно пошутил: — А мы тут только что толковали, не зачитался ли наш наследник до беспамятства, позабыв о пиршестве.

— В пути возникли непредвиденные задержки, оттого я и запоздал. Молю Ваше Величество о прощении, — не поднимаясь с колен, почтительно произнес юноша.

Император благодушно отмахнулся:

— Срок еще не вышел, так что ты вовремя. Поднимись и займи свое место.

— Благодарю, Ваше Величество.

Цзибай развернулся к залу и внезапно замер на месте.

Вокруг царило оживление, но стоило ему войти, как взгляды большинства присутствующих обратились к молодому наследнику.

Столы для гостей ломились от яств и были полностью заняты. Пустовало лишь несколько мест среди императорских сыновей. Поскольку сегодня давался неофициальный семейный ужин, строгой рассадки не предусматривалось — собрались лишь близкие родственники правителя.

Однако, несмотря на великую милость государя, Цзибай оставался всего лишь наследником удельного князя. Занять место за столом принцев — неслыханная дерзость, которая непременно породила бы массу кривотолков. Покинуть же зал и вовсе немыслимо, ведь это сочли бы прямым оскорблением величества.

Конечно, оставался еще один путь — прямо сказать императору, что мест не хватило. Но это выглядело бы как каприз избалованного фаворита, а опускаться до подобного молодой человек не желал.

Помедлив лишь мгновение, Цзибай уверенно двинулся вперед.

— Маленький императорский дядя, вы ведь так и не закончили ту удивительную историю, что начали в прошлый раз. Мое любопытство сильнее меня, и я пришел требовать развязки, — с вежливой улыбкой Цзибай направился напрямик к Цзян Юэ.

Князь Чунань, уже изрядно хмельной, полулежал на своем месте. С трудом сфокусировав взгляд на подошедшем племяннике, он расплылся в довольной ухмылке:

— О-о! Неужто сам мой драгоценный племянник пожаловал? А ну-ка иди сюда, дай погляжу, не усох ли твой ум от вечного сидения над свитками!

Цзибай без лишней суеты устроился на краю его ложа:

— Сколько времени прошло, а вы, дядя, все так же остры на язык.

— А как же! Кто еще позабавит моего дорогого мальчика? — Цзян Юэ по-свойски приобнял племянника за плечи и заплетающимся языком крикнул слугам: — Эй, бездельники! Живо тащите сюда сиденье! Мой племянник сядет со мной. Может, хоть от него наберусь ученой премудрости, глядишь, и державный брат перестанет меня честить на чем свет стоит...

Договорив, он бросил на императора комично-жалобный взгляд.

— Сплошное бесстыдство, — шутливо пожурил его император. — Пир едва начался, а ты уже лыка не вяжешь. Стыдился бы племянников, никудышный из тебя наставник.

— Ну вот, видал? Снова мне досталось, — уныло пожаловался Цзян Юэ племяннику.

В зале раздался дружный смех.

Поглаживая бороду, государь с улыбкой произнес:

— Цзибай, к чему тебе ютиться рядом с этим пропойцей? Ступай лучше туда, там как раз есть свободные места, — он указал на императорский стол.

Цзибай бросил взгляд на предложенные места и почтительно склонил голову:

— Благодарю Ваше Величество за великую милость, но мне вполне уютно здесь.

— Что за упрямый малый, — мягко упрекнул его правитель. — Уж не боишься ли ты нарушить этикет?

Не успел юноша вставить и слова, как император продолжил:

— Я ведь уже объявил: сегодня у нас простой семейный круг, прочь условности. Отбрось сомнения и садись к братьям.

Цзибай поднялся со своего места и совершил поклон:

— Цзибай безмерно ценит доброту Вашего Величества, — он скользнул взглядом по лежащему рядом дяде. В его глазах светилось почтение, какого князь Чунань у него отродясь не видел.

Затем юноша продолжил самым доверительным и почтительным тоном:

— Просто племянник так истосковался по обществу маленького императорского дяди, что не в силах с собой совладать. К тому же история, которую он рассказывал, оборвалась на самом интересном месте. Прошу Ваше Величество, позвольте мне остаться здесь и утолить это праздное любопытство.

Император рассмеялся:

— Раз уж ты так ставишь вопрос, мне и возразить нечего. Ну что ж, воля твоя.

— Премного благодарен, Ваше Величество.

Провожая любимца довольным взглядом, государь обратился к присутствующим придворным:

— Как ни посмотри, а мои собственные сыновья во многом уступают Цзибаю.

Воздух в зале мгновенно сделался тяжелым и натянутым. Не успел Цзибай вздохнуть с облегчением, как слова императора вновь вознесли его на опасную высоту. В душеросло глухое недовольство.

«Да почему государь никак не оставит меня в покое!»

Цзибай поспешно сложил ладони в притворно испуганном жесте:

— Ваше Величество слишком щедр на похвалу, недостойный Цзибай не заслуживает столь высоких слов. Мои августейшие братья обладают великими талантами, каждый в своем деле. Разве могу я, обделенный глубокими познаниями, равняться с Их Высочествами?

Император снисходительно усмехнулся и со строгим видом повернулся к принцам:

— Истинное благородство требует скромности. Вот чему вам всем стоит поучиться у Цзибая.

— Ну полно вам, державный брат, — Цзян Юэ весело похлопал племянника по плечу, бесцеремонно вступая в разговор. — Совсем разбалуете мальчишку своими похвалами. Нашел тоже мне, образец добродетели!

— Что? Сам палец о палец не ударишь ради дела, так еще и чужим успехам завидуешь? — беззлобно прикрикнул на него император.

— Да-да... Все так, великий брат, вам виднее, — закивал князь Чунань, покорно соглашаясь.

Цзибай все еще стоял ни жив ни мертв, боясь сделать неосторожный вдох, когда почувствовал, как тяжелая ладонь дяди мягко сжала его плечо, призывая успокоиться. Молодой человек с благодарностью понял: Цзян Юэ нарочно шутовством отвлекал внимание правителя на себя.

Он и не подозревал, что все это время из тени за ним пристально наблюдают.

Вэнь Бай, облаченный в доспехи простого гвардейца, стоял на ступенях у входа. С этой высоты весь зал открывался ему как на ладони.

Вэнь Баю уже доводилось видеть, как безудержно император осыпает Цзибая милостями при каждой встрече. Однако подобное славословие вызывало серьезные опасения. Он искренне не понимал: действительно ли государь так сильно привязан к племяннику или же умышленно разжигает вокруг него пламя чужой ненависти?

Мало того что молодые принцы едва сдерживали ярость под масками показного почтения, так еще и отпрыски знатных семейств едва заметно кривились от досады. Все они были сверстниками, так почему же лишь Цзян Яню доставались все щедроты престола?

Ответ лежал на поверхности: лишь потому, что он был наследником великого князя Юйсяня!

В столице каждый знал эту историю: нынешний государь взошел на престол лишь благодаря великодушию князя Юйсяня. В те бурные годы, когда юг содрогался от мятежей, Цзян Юнь вел войска на усмирение Цзяннани. К моменту его триумфального возвращения старый император скончался, а столицу успел подмять под себя его старший брат. Тем временем в тайном завещании преемником был назван именно Цзян Юнь.

Разоренная войной страна нуждалась в покое и восстановлении сил. Дабы не ввергать государство в пучину междоусобицы, Цзян Юнь собственноручно сжег священную волю отца и повернул свои победоносные полки на поддержку старшего брата, присягнув ему на верность. Прошли годы, но император Хундао так и не забыл этот долг. В его безграничной любви к Цзибаю всегда таился привкус застарелой вины.

Вэнь Бай размышлял о поведении государя. Каждый его жест, каждое слово казались искренними, но неужели этот умудренный годами правитель не понимал, какими бедами обернется его слепая благосклонность для юного наследника?

Вэнь Бай вновь перевел взгляд на Цзибая. Тот держался безупречно — на лице ни тени смущения, ответы лились плавно и уверенно, рассеивая любые каверзные расспросы.

И все же... Вэнь Бай присмотрелся внимательнее. Большой палец левой руки Цзибая был плотно прижат к ладони и скрыт в кулаке. Верный признак того, что юноша балансирует на грани паники.